

селений около Мараканд именем своей родины¹²⁶. Возможно, что будут найдены и археологические следы этих поселений. Античные памятники около Самарканда изучены еще очень слабо, но уже появились сообщения, что в ближайших окрестностях Самарканда, в том числе и к востоку от Афрасиаба, имеются поселения, древнейшие слои которых датируются началом эллинистического времени¹²⁷.

Имеются и некоторые сведения о дальнейшей судьбе этих поселений. Поселенные в них греки, видимо, приняли участие в восстании 3000 колонистов из Бактрии и Согдианы во главе с «царем» (гех) Афинодором и затем Биконом; целью восставших было вернуться на родину. Произошло это восстание во время пребывания царя в Индии, после того как он был тяжело ранен в земле маллов и оксидраков¹²⁸. Позже, уже после смерти Александра, все восставшие колонисты из «верхних сатрапий» числом 23 000 были перебиты македонцами¹²⁹. Продолжали ли существовать шесть греческих поселений возле Мараканд после всех этих событий, не известно, но тот эллинистический автор, через которого до Курция дошла версия Клитарха, уже отмечает, что в его время пипс «ныне» эти крепости «забыв о своем происхождении, служат тем, над кем некогда господствовали»¹³⁰.

Таковы некоторые данные для древнейшей истории Самарканда, известного в источниках этого периода под названием «Мараканды». Разумеется, в журнальной статье нельзя охватить всех вопросов, связанных с Маракандами. Мы остановились главным образом на тех моментах, которые имеют значение для археологической реконструкции древнейшего прошлого Самарканда.

MARACANDA

by I. V. Pyankov

The author has collected the ancient literary evidence about Maracanda and analysed it in conjunction with other evidence, particularly archaeological. He traces the ancestry of information given us about Maracanda; the various forms taken by the city's name are discussed, and the etymology of their prototype, Smārakanθā. The location of Maracanda on the site of Samarkand (or, more precisely, Afrasiab) is once again confirmed. Ancient descriptions of the city suggest a layout similar to that of the later Samarkand. The city had three parts: the citadel (*ark*), the city proper (*shahristan*), the suburbs (*rabad*). The author thinks that the irrigation systems of the Samarkand Oblast, which are connected with the Dargham and Siab canals, may have been already there in the Maracanda epoch, that is, in the time of the Achaemenids. The ancient sources also contain references to places in the vicinity of Maracanda. For instance, there is mention of the mountain Chupan-ata and of six military settlements planted by Alexander the Great near Maracanda.

¹²⁶ Steph., Byz., s. v. Θήρα. Упомянутый здесь Стефаном согдийский город с явно греческим названием, — по-видимому, одно из шести греческих военных поселений, воздвигнутых Александром около Мараканд. Известий об основании в это время поселений в других частях Согдианы (кроме Александрии Крайней) не имеется.

¹²⁷ Г. А. Пугаченкова, К разведке античных памятников Согдианы, ОНУ, 1965, № 7, стр. 49—50; Буряков и Тагиев, ук. соч., стр. 59.

¹²⁸ Diod., XVII, 99, 5—6; Curt., IX, 7, 1—11. Диодор (XVII, 99, 5) здесь говорит о «поселенных в Бактрии и Согдиане» (οἱ κατὰ τὴν Βακτριανὴν καὶ Σογδιανὴν κατοικοῦντες), Курций (IX, 7, 1) же — только о «выведенных в колонии близ Бактр» (in colonias deducti circa Bactra). Видимо, Курций здесь неточен. Бактры могли быть лишь центром 3000 восставших. Впрочем, он сам далее говорит (IX, 7, 11), что описанные им события происходили «близ Бактр и скифских пределов» (circa Bactra et Scytharum terminos).

¹²⁹ Diod., XVII, 99, 6; XVIII, 7, 2, 9.

¹³⁰ Curt., VII, 10, 16.

Э. Л. Грейс

ЧТО ТАКОЕ РАБ, И ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ «ЛЮДЬМИ»

КОГДА в источниках речь идет о рабах или рабстве, то употребляется преимущественно группа слов (их с полдюжины), которыми афиняне обычно обозначали своих рабов, — так называемые рабские термины¹. Однако и при отсутствии этих терминов сам контекст подсказывает нам, что речь идет о рабстве. И в том, и в другом случае, т. е. при наличии или отсутствии рабских терминов, в поисках данных о рабстве в источниках мы неизбежно руководствуемся определенным представлением о самом этом явлении, тем ответом, который мы даем на вопрос, что такое раб. Ответ нужен как пробный камень не только для нахождения сведений о рабстве там, где нет рабских терминов, но и для подтверждения правильности нашего понимания этих терминов как обозначений рабов и только рабов, по крайней мере, в их основном значении. Следовательно, при анализе материала о рабстве первой задачей должно быть определение понятия «раб», соответствующее рассматриваемому времени и общественному укладу.

Какое определение требуется или реально возможно на начальном этапе исследования? Вполне удовлетворительное историческое определение понятий «раб» и «рабское состояние» в древней Греции классического периода может появиться только в результате широкого исследования, и вытекающее из него «определение» может занять много страниц. Раб в Аттике был только одной стороной взаимной связи, которая, начиная с простейшего звена раб — господин, в конечном итоге вовлекает в себя целый общественный комплекс — полисную общину, находящуюся среди других общин, подобных ей или отличных от нее. Объект нашего определения, таким образом, переплетается со многими другими, и все в совокупности (целая эпоха!) находится в движении, изменении, в постоянном состоянии сложных конфликтов и развития. Между тем, на раннем этапе анализа требуется совсем другой тип определения: такое определение, которое неизбежно будет неполным, статичным, но тем не менее в установленных нами

¹ См. Я. А. Ленцман, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 47—69 (ср. он же, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 59—62); Э. Л. Казакевич (Грейс), Термин *δοῦλος* и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1956, № 3, стр. 119—136; она же, Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 90—113; F. Gschlitz, Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei, 1. Grundzüge des vorhellenistischen Sprachgebrauchs, «Akad. der Wiss. u. der Literatur, Abh. der geistes- u. sozialwissenschaftl. Klasse», № 13, Wiesbaden, 1963, стр. 1283—1310.

пределах верным и способным служить твердым критерием при выявлении свидетельств о рабстве в документах Аттики IV в. до н. э.

Сами эти документы дают наиболее пригодный ответ на поставленный выше вопрос. Так как они исходят в общем, можно сказать, от рабовладельцев, то перед нами их представление о рабе, что и интересует нас прежде всего сейчас. Мы встречаем это представление выраженным то в прямой аналитической форме, то в косвенной, как, например, в судебной аргументации. Сущность его может быть сведена к такой формулировке: раб — это человек, являющийся также имуществом, которое беспрепятственно можно передать в собственность другому. Он — предмет собственности благодаря тому, что община и ее законы рассматривают его как предмет собственности, как чье-то имущество. Ясно, что это не определение историка — оно не учитывает различия эпох. Оно не говорит нам ничего ни о том, каким образом люди становились рабами, ни о месте рабов в экономике или быту Афин. И Аристотель, который выражал это представление в наиболее обобщенной форме, имел в виду рабов, принадлежащих частным лицам, а не государственных рабов. Однако в этом отношении его определение не только пригодно для цели данной статьи, оно также соответствует действительному относительному весу частного и государственного рабовладения в Афинах того времени.

Сведение понятия «раб» к статичной юридически-имущественной категории, касающейся только одного аспекта этого явления, не должно мешать нам видеть недостатки этого определения также и с юридической точки зрения. Раб классического ойкаса отличался от несвободного члена социально менее дифференцированной семейно-имущественной единицы — патриархального домашнего хозяйства, в котором, хотя ни один член, кроме главы, не был по-настоящему свободным, все же никто из «младших» членов не считался просто вещью или «телом». Однако даже в IV в. раб сохранял некоторые признаки «личности» не только в глазах отдельных господ и в области культа, но и перед законом. Г. Р. Морроу несомненно справедливо критиковал историков права (он упоминает в этой связи Боше, Липсиуса, Бузольта, Карштета) за то, что они в лучшем случае «исходят... из того предположения, что аттическое право считало раба просто собственностью, и все, что не соответствует этому предположению, рассматривают как отклонение от правила»². Поскольку раб в Афинах классического периода юридически был в какой-то степени личностью, мнение Морроу о «двойственности положения» раба (ук. соч., стр. 26) находит оправдание. Если упускать из виду эту двойственность и ее корни в более ранней семейной организации, то картина рабства в Аттике IV в. легко может превратиться в карикатуру. Тем не менее и субъективно — в концепции античных авторов, и объективно — в институтах и социальных правах рассматриваемого периода и территории — основным отличительным признаком раба было его свойство принадлежать другому лицу, что придает нашему определению особую эффективность для проверки других критериев при выявлении свидетельств о рабах и рабстве в источниках.

Чем бы еще ни был раб, в своих отношениях с господином или перед законом он всегда оставался предметом собственности. В обществе типа классического полиса с развитыми частнособственническими отношениями (по крайней мере, что касается движимого имущества), если человек не признавался чьей-нибудь собственностью, то он не был рабом,

² G. R. Morrow, *Plato's Law of Slavery in Its Relation to Greek Law*, Urbana, Ill., 1939, стр. 26, прим. 5. См. также L. Gernet, *Les Lois et le droit positif — «Platon. Oeuvres complètes»*, т. XI, ч. 1, P., 1951, стр. CXXXII, CXXXVIII; ср. о н же, *Droit et société dans la Grèce ancienne*, P., 1964, стр. 151 (вступительные слова к статье 1950 г. «Aspects du droit athénien de l'esclavage»).

и наоборот. Но нас интересует только частное рабовладение, и естественно возникает вопрос: «признавали» ли власти полиса статус частновладельческих рабов? И если да, то в каком смысле? Как группа они, по-видимому, не входили ни в какую государственную категорию лиц, наделенных определенными правами и обязанностями перед всей общиной, и в этом смысле у них не было никакого «статуса». Какими бы личными или материальными правами или обязанностями ни обладали некоторые рабы, они касались только данных рабов и их владельцев, только по воле и решению которых они осуществлялись. Как сказал один комедиограф IV в., «у рабов нет полиса»³. Их общиной был ойкос — семья владельца и его имущество, они были как бы частями самого владельца, хотя и отделенными от него частями — *μέρος τι τοῦ δεσπότης ... κεχωρισμένον δὲ μέρος*, по выражению Аристотеля. Если статус гражданина или метека мог быть доказан ссылкой на официальные записи, то для того чтобы доказать статус раба, необходимо было установить отношение данного лица не к государству, а к какому-то ойкосу. Рабы могли быть занесены в государственные записи как разновидность имущества, подлежащего обложению *εἰσφορά* (особым взносом во время войны) или обложению налогом при ввозе, вывозе или продаже их, как и другие товары⁴, но не как одна из категорий населения.

Когда, например, в суде хотели доказать, что такой-то человек — раб, то представляли (или требовали) свидетельское показание о частной сделке — о купле этого лица или его продаже, или тому подобной сделке, посредством которой осуществлялась передача имущества, — как наиболее убедительное доказательство рабского статуса. В ином случае рабский статус мог быть доказан на основании того, что лицо, о котором идет речь, фигурирует в описи имущества, подлежащего обложению (*Isocr.*, XVII, 49). В указанном месте у Исократа обсуждается статус Китта, управляющего или старшего служащего — *ὁ ἐπὶ τῇ τραπέζῃ καθήμενος*, § 12 — в банке Пасиона в первом десятилетии IV в., когда это предприятие стало уже значительным. Пасион (жалуется его противник) имел наглость утверждать, что Китт не может быть подвергнут допросу под пыткой на том основании, что он свободный — *ὡς ἐλεύθερον ὄντα* (см. § 14), хотя тот же Пасион занес Китта как раба, *ὡς δούλον*, в официальную оценку своего имущества. Обман! Лицо, с которым обращаются, как с предметом собственности, явно не *ἐλεύθερος* «свободный», а *δούλος* «раб».

Здесь в одном отрывке мы находим основное противопоставление статусов, выраженное в терминах, а также тот существенный признак, который отличал раба от свободного. Этот признак не был зримо выражен на лице, в одежде или поведении раба, который в данном случае был человеком с определенными профессиональными способностями, к тому же человеком, стоящим отнюдь не на низшей ступени своей профессии. Китт, по-видимому, пользовался большим доверием в банке Пасиона. Через его руки могли проходить значительные суммы денег (§ 12); как уполномоченный Пасиона он мог ездить повсюду по банковским делам, например, в далекий Понт для переговоров с Сатиром, правителем Боспорского царства (§ 51). И мы можем предположить, что за свою верную службу он получал от своего хозяина вознаграждение в виде личных привилегий и, мо-

³ А n a x a n d r., frg. 4 K; ср. М e n., frg. 581 K: *ἐμοὶ πόλις ἐστὶν... ὁ οὐδεπότης* A n t i p h a n., frg. 265 K. См. также V. E h r e n b e r g, *The People of Aristophanes* N. Y., 1962, стр. 170: «... в общественном сознании рабы реально существовали только в связи со своими господами».

⁴ См. A. M. A n d r e a d e s, *A History of Greek Public Finance*, т. I, Cambr., Mass., 1933, стр. 154, 281—282; W. L. W e s t e r m a n n, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, стр. 16.

жет быть, денег. В одной сцене, описанной противником Пасиона (§ 15), — когда Пасион, наконец, согласился предоставить Китта для допроса, но в последнюю минуту, когда басанисты (истязатели) уже были готовы приступить к действию, крикнул им, чтобы они остановились: «Мы вас не назначали палачами», — можно уловить кое-что еще, кроме простого опасения, что Китт скажет под пыткой неподходящую правду. Китт был очень полезен своему господину, а возможно, и лично дорог ему. Во всяком случае, ясно, что ничто в его наружности не говорило о нем как о существе без всякого положения в общине, как о простой «вещи».

Весь тон повествования и аргументации по поводу Китта в этой речи превосходно подтверждает едкое замечание Старого олигарха о том, что в Афинах не разберешь, где демос, а где раб ([Xen.], Ath. pol. I, 10). Это замечание было сделано при определенных обстоятельствах последней трети V в., но оно не менее применимо и к IV в. (Dem., XLVII, 61; LIII, 16), а особенно к случаю с Киттом, при этом неважно, был ли он на самом деле рабом, как утверждает это выступающий. Предположение выступающего о том, что Китт является рабом, могло исходить из общих соображений, даже, может быть, просто из того, что Китт был служащим в банке. Но для того, чтобы доказать это на суде, он привел особо весомую улику, указав на включение Китта в опись имущества Пасиона.

«Тот, кто, будучи человеком, по природе принадлежит не самому себе, а другому, тот раб по природе. А принадлежит другому такой человек, который является собственностью, будучи человеком» — ὁ γὰρ μὴ αὐτοῦ φύσει ἀλλ' ἄλλου, ἄνθρωπος δέ, οὗτος φύσει δοῦλός ἐστιν. ἄλλου δ' ἐστὶν ἄνθρωπος, ὃς ἂν κτῆμα ᾖ τῷ ἄνθρωπῳ ὄντι. Так Аристотель (Pol. I, 4, 6, 1254a) определяет раба в ходе расчленения высшей формы объединения людей (полиса) на его простейшие единицы. Полису, объясняет он, предшествовало логически и генетически поселение, поселению — домашний коллектив (οἰκία), который состоит из свободных и рабов. В его определении отражаются его собственные взгляды на общество, но само определение находится в почти полном согласии со свидетельством других, неаналитических источников.

Немного далее Аристотель повторяет суть своего определения: «Раб по природе — это тот, кто может принадлежать другому» — ὁ δυνάμενος ἄλλῳ εἶναι⁵. Понятие «принадлежать другому» есть представление, обратное понятию «владение», и это последнее в своем наиболее развитом значении свободного распоряжения тем, что принадлежит кому-то, т. е. в значении «частная собственность», уточнено в другом произведении Аристотеля. В «Риторике» он называет богатство составной частью того счастья-благополучия (εὐδαιμονία — Rhet. I, 5, 4), к достижению которого должно стремиться совецательное красноречие. Богатство, говорит далее Аристотель, состоит из денег, земли, усадебных поместий (γῆς, χωρίων κτήσις), движимого имущества (ἐπιπλῶν), скота и рабов, и затем он останавливается на понятии о том, что такое «свое» (I, 5, 7): «Вещи — свои (οἰκεῖα) тогда, когда имеется исключительное право отчуждать их или не отчуждать, а под отчуждением (ἀπαλλοτριώσις) я имею в виду передачу и продажу».

Теория Аристотеля о роли природы (φύσις) в решении того, кто станет рабом, а кто — свободным, — это частный случай его теории об естественном стремлении к «развитию начальной возможности в конечную форму или

⁵ Pol. I, 5, 9, 1254b. Оправдывая рабство как закон, присущий природе (хотя «воля Природы» осуществляется не всегда совершенным образом — Pol. I, 5, 10), Аристотель замечает, что не одна только природа решает, кто должен быть рабом, но также и международный обычай (καὶ κατὰ νόμον), «закон», который указывает, что все люди и вещи, завоеванные на войне, принадлежат завоевателям (Pol. I, 6, 1, 1255a; ср. Xen., Сугор. VII, 5, 72—73; IV, 2, 26).

цель»⁶, которую он считал силой, присущей не только биологическим явлениям, но и социальным и определяющим фактором их развития. Положение о том, что у некоторых людей рабская натура от рождения, которое у Аристотеля — составной элемент в разработанной системе мышления, входило также в менее четко оформленное и широко распространенное среди греков того времени представление, согласно которому одна часть человечества рождена для рабства, а именно — негры или, как греки их называли, «варвары». Грекам, жившим в своих полисах, казалось, например, что огромные массы негреческих народов, охватываемых Персидской империей, в том числе даже и сановники Великого царя, находятся на положении рабов у своего монарха. С другой стороны, в самой Аттике и в других полисах того же типа рабы были обычно негреческого происхождения.

Трудно было бы доказать это статистическим методом, но на такое положение убедительно указывает, прямо или косвенно, целый ряд источников⁷. Примером может служить случайная ссылка в «Меноне» Платона на наличие доморожденного раба в свите, очевидно, богатого фессалийского собеседника Сократа в этом диалоге. Для того чтобы наглядно доказать свой тезис — то, что мы называем «учением», в действительности процесс воспоминания — Сократ предлагает Менону позвать к ним одного из его «многих» ἀκόλουθοι, т. е. рабов-сопроводителей:

«Менон (рабу): Поди сюда!

Сократ: Грек? Он говорит по-гречески?

Менон: Ну да, ведь он доморожденный (οἰκογενὴς γέ)».

— и Сократ начинает путем искусных вопросов извлекать из несведущего раба знания по геометрии (Plato, Men. 82 ab). Важно не то, грек ли он — на это нельзя рассчитывать, а то, может ли он говорить по-гречески (ср. Хеп., Супег. II, 3 — τὴν φωνὴν «Ἑλλην»). Оттенок «варвара» в обычном представлении о рабе, поскольку он верно указывает происхождение большей части рабов в Аттике, подчеркивает, так сказать, момент отчуждаемости в этом представлении. Типичный раб попал в Афины как чужеземный товар, через рынок. Эти две стороны понятия хорошо видны в сочетании друг с другом в ораторском взлете, которым увлекся Демосфен в речи «Против Мидия» (XXI, 48—50). Приведа афинский закон, запрещающий оскорбление личности (ὕβρις), даже если оно наносится рабу, оратор восклицает: «Ради богов, подумайте! — если бы кто-нибудь показал этот закон варварам, из которых поставляются грекам рабы, и ... сказал им: „Вот, есть такие греки, столь кроткие и человечные своим нравом, что, несмотря на многочисленные обиды, которые они претерпели от вас, и их природную, унаследованную от отцов ненависть к вам»⁸, они все же не позволяют оскорблять даже тех (из вас), кого они купили за деньги и приобрели в качестве рабов...», — если бы варвары услышали и поняли это, не думаете

⁶ E. Barker, The Politics of Aristotle, Oxf., 1948, стр. XLIX.

⁷ См., например, Arist., Pol. I, 2, 4, 1252b, цитирующего «поэтов» (Е и г., Iph. Aul. 1400, ср. Hel. 276; Ehrenberg, People of Aristophanes, стр. 173). См. также Arist., Pol. I, 6, 6, 1255a и VII, 7, 2, 1327 b, со ссылкой на народы Азии; ср. III, 14, 6, 1285a; Isocr., IV, 150 сл.; V, 5, 16. Относительно «варварского» происхождения рабов в Афинах см. например, Dem., XLV, 73, 81, особенно § 86, где Спр и Ман пред- ставлены как типичные рабские имена (см. С. И. Соболевский, Аристофан и его время, М., 1957, стр. 298); ср. Isocr., IV, 181; Dem., IX, 31; XXI, 48 (см. ниже).

⁸ καὶ φύσει τῆς πρὸς ὑμᾶς ἔχθρας αὐτοῖς ἀπαρχούσης πατρικῆς — намек на персидские войны. Ср. Isocr., IV, 157—159; 184 — τοὺς καὶ φύσει πολέμιους καὶ πατρικοὺς ἔχθροὺς (ср. XII, 163). О распространении действия закона о ὕβρις на оскорбления, нанесенные рабам, см. Э. Грейс, О конкубинате в Афинах классического периода, ВДИ, 1968, № 1, стр. 46.

ли вы, что они публично объявили бы всех вас (афинян) своими покровителями (προξένους)?».

Варварское происхождение было, конечно, далеко не всегда признаком рабского статуса и не может поэтому служить критерием определения этого статуса по данным источников. Однако мы часто сталкиваемся с тесной связью понятий «раб» и «варвар», с очевидной презумпцией о естественной связи между ними, — например в «Воспоминаниях о Сократе» («Меморabilia») Ксенофонта, там, где Сократ побуждает Аристарха искать выход из денежных затруднений путем использования способностей своих родственниц. Когда Сократ приводит ряд примеров того, каких успешных результатов достигли хозяева ремесленных предприятий, Аристарх возражает ему: «Но у них для работы есть варвары, а у меня — свободные, родственные мне люди» (Xen., Mem. II, 7, 6). В тексте Ксенофонта первая фраза полностью звучит так: «Они имеют покупаемых варваров», что устраняет всякое сомнение относительно их статуса. Однако не для того чтобы показать статус работников, слово *ὑποβέτου* стоит в этой фразе, в которой Аристарх сумел показать перед Сократом тяжесть своего положения сразу в двух отношениях, материальном и социальном. Смысл возражения Аристарха можно передать таким образом: «У них есть средства для покупки обычной рабочей силы, тогда как у меня совсем нет денег, как я и сказал тебе сначала; потому-то у них есть варвары, которых можно принудить к доходной работе, между тем как у меня — только свободные люди, к тому же это мои родственницы, которых все равно я должен кормить, не принуждая их к работе, не соответствующей их положению».

В сущности здесь противопоставляются все же «варвары» и «свободные», этот отрывок с достаточной ясностью говорит о распространенной ассоциации понятий «варвар» и «раб». Подчеркивание негреческого происхождения, вероятно, не входило в намерение говорящего. Среди свободных жителей Афин было много приезжих из негреческих стран, в частности среди метеков, а их не назовешь «варварами» без особой причины, как, например, в том месте в «Доходах» Ксенофонта, где он говорит о нежелательности включения метеков-лидийцев, фригийцев и сирийцев в один военный строй с афинскими гражданами (Xen., Vect., II, 2—3). Только в определенном контексте слово «варвар» или содержало ясный намек на рабское или подобное рабскому положение, или же употреблялось почти как синоним «раба».

Определение Аристотеля и случай с Киттом (Isocr., XVII, 49), может быть, достаточны для установления признака быть собственностью как условия *sine qua non* рабского статуса и для того чтобы таким образом подтвердить обоснованность выбора этого момента в качестве главного критерия для распознавания рабского статуса в источниках. И в определении Аристотеля и в случае в Киттом, как и в ряде других отрывков из источников, там, где рабский статус утверждается или отрицается, он обозначается термином *δοῦλος*. Но *locus classicus* как в отношении термина, так и определения, можно видеть в одном отрывке из речи Демосфена «Против Эвбулида». Выступающий, защищая свое наследственное право афинского гражданства, требует у своего противника хотя бы самого элементарного доказательства в его клеветнических выпадах, которые он допустил по адресу родителей выступающего: «Если моя мать была рабыней *εἰ δὲ δοῦλη* (ᾗ), то прежде всего (*μάλιστα μὲν*) должен был прийти и засвидетельствовать это тот, кто купил ее, а если не он, то тот, кто продал ее...» (LVII, 34).

Полный указатель мест, в которых употреблены термины, обычно обозначающие рабов, особенно если включить в него полутермин *παῖς* «мальчик», заключал бы в себе, вероятно, около 90% всех случаев, в которых упоминаются рабы и рабство в источниках. Есть, однако, примеры, где не употреблено никаких рабских терминов и где не всегда приходит к нам

на помощь даже основной критерий (раб — отчуждаемое имущество), но тем не менее ясно, что писавшие имели в виду рабов, конкретно или подразумевая, по аналогии. В таких местах иногда содержатся ценные сведения по истории рабства, хотя «о рабстве» в прямом смысле в них нет речи. Остальная часть этой статьи посвящена обсуждению нескольких примеров такого рода свидетельств, взятых из произведений Ксенофонта.

В «Меморабилиях» Ксенофонта есть несколько растянутое обсуждение (III, 4, 6—12) вопроса о качествах, требуемых от руководителя (*προστάτης*) в любой сфере, в которой силы какой-то группы подчиненных должны быть направлены для достижения какой-то цели, общественной или частной. В основном сравнение проводится между военным предводителем *στρατηγός* и *οἰκονόμος*, т. е. управляющим имуществом или хозяйством. Подчиненные эконому не названы рабами, но трудно сомневаться в том, что здесь следует подразумевать рабов. Прежде всего об этом говорит программа обучения («управляемые» должны быть приучены к полному повиновению приказам руководителя, их следует наказывать или вознаграждать в соответствии с исполнением, их верность должна быть обеспечена), параллели которой можно найти в «Экономике», трактате Ксенофонта о методах эксплуатации хозяйства, которое ведется с помощью рабов. Наиболее показательна параллель из Оес. V, 14—16, где также имеется сравнение двух типов руководителей — стратег и *γεωργός*, землевладелец-фермер⁹, и где термин *δοῦλος* употреблен по отношению к подчиненным последнего. Ввиду этого поразительно в отрывке из «Меморабилий» игнорирование различия статусов, тогда как мышление греков было, как правило, сильно проникнуто таким различием. Особенно привлекает внимание заключительный итог (§ 12):

«Не презирай сведущих в управлении имуществом (*τῶν οἰκονομικῶν ἀνδρῶν*), так как забота о частном деле отличается от заботы об общественном только масштабами (*πλήθει*); в остальных отношениях эти заботы почти одинаковы, и основная черта сходства заключается в том, что ни та, ни другая не обходится без людей (*ἄνευ ἀνθρώπων*), и частное дело выполняется людьми того же рода, что и общественное (*οὐτε δι' ἄλλων μὲν ἀνθρώπων τὰ ἴδια πράττεται, δι' ἄλλων δὲ τὰ κοινά*). Ведь те, кому поручены общественные дела, имеют отношение к частным делами (*οὐ γὰρ ἄλλοις τισὶν ἀνθρώποις... ἢ οἰσπερ*), и тот, кто знает, как обращаться с людьми, хорошо будет вести и частное и общественное дело, а тот, кто не знает, будет допускать ошибки и в той и в другой области».

Главное затруднение при переводе этого отрывка заключается в смысловой растяжимости слова *ἄνθρωπος*. Это слово может иметь значение «человек», человеческий род в отличие от богов и животных (см., например, у Ксенофонта в Оес. V, 14; XIII, 4—5, 9; Сугор. I, 1 2; Нiero, VII, 3). Во множественном числе оно часто употребляется в значении «люди» в самом неопределенном смысле — «какие-то люди», «вообще люди». В нашем отрывке смысл его как будто колеблется между этими двумя значениями. В нем нисколько не слышится третий, презрительный смысл, который слово *ἄνθρωπος* довольно часто имеет в IV в. в применении к рабам. Слово *οἰκονόμος* (и родственные ему слова) вызывает при переводе затруднение иного рода. На английский язык оно обычно переводится как *manager of a household*,

⁹ Слово *γεωργός* как термин, обозначающий род занятия, само по себе не говорит о владении. На практике оно применяется к человеку, который обрабатывает свою собственную землю или эксплуатирует чужой труд на своей земле (как в данном случае), или обрабатывает чужую землю, как, например, в Оес. III, 10 (см. ниже). Две первые разновидности определяются Ксенофонтом как *ἀποურγοί* и *οἱ τῇ ἐπιμελείᾳ γεωργοῦντες* (Оес. V, 4).

что можно принять только в том случае, если постоянно иметь в виду, что слову *household* нужно придавать гораздо более широкое значение, чем оно имеет, как правило, теперь. Русское слово «хозяйство» точнее передает значение компонента *οἶκος* в этих словах, но дело в том, что в Афинах IV в. слово *οἶκος* имело многогранное и исторически специфическое значение и его нельзя, вероятно, приравнивать к какому-то одному слову в современных языках. Его основное значение в этих сложных с ним словах, по-видимому, заключается в понятии «имущество» (ср. Хен., Оес. I, 2).

Как бы ни справиться с трудностью перевода слова *ἄνθρωποι*, употребленного здесь трижды, нельзя обойти тот факт, что Ксенофонт имел в виду недифференцированную человеческую субстанцию, на которую умелый руководитель воздействует для достижения своих целей. В игнорировании Ксенофонтом различения статусов в этом отрывке мы будто бы видим предвосхищение мышления еще очень далекой будущей эпохи, когда, как это выразил Карл Маркс, «идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка»¹⁰. Это и делает особо интересным вопрос о том, что могло привести Ксенофонта к такой абстрактной идее о «людских силах».

Нужно помнить, что Ксенофонт направляет все свое внимание не на «людей», а на управляющих, он стремится показать, что настоящий руководитель людей, работающих на хлебном поле, обладает теми же качествами, какие прежде всего необходимы для руководителя людей, действующих на поле битвы: способностью добиваться повиновения и верности¹¹. Это — близкая Ксенофону тема, тема пользы, получаемой полисом и отдельными лицами от умелого управления, от «знания, как пользоваться» всевозможными искусствами и средствами, в частности от знания того, как обращаться со своими подчиненными так, чтобы они были не ленивыми или строптивыми, а усердными работниками, чтобы они были такими или для большей прибыли гражданского ойкоса или большей славы и безопасности полиса (и то и другое составляют, — или должны составлять — одно целое, одну цель). К этой теме Ксенофонт обращается в нескольких произведениях, особенно в «Экономике» и «Воспитании Кира».

Выше было отмечено, что в Хен., Мет. III, 4, 6 — 12 нет ни одного рабского термина и нельзя сказать, что в этом отрывке речь идет о рабстве. То, что под «людьми» эконома следует подразумевать рабов, мы можем заключить только на основании сопоставления с другими источниками. Тем не менее отрывок заслуживает места в своде материала о рабстве, потому что подтекст его говорит нам кое-что о развитии рабовладельческого способа производства, а именно, что использование рабов относительно большими группами стало, должно быть, заметной чертой методов производства в Аттике первой половины IV в.¹² Управление частным предприятием

¹⁰ Р. Маркс, Капитал, т. I — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, М., 1960, стр. 69.

¹¹ Ср. Оес. XIII, 6 слл.; XXI, 11 — *ἐν παντί ἔργῳ ὅπου τι δι' ἀνθρώπων πράττεται* — «во всяком таком деле, которое осуществляется посредством труда людей». Контекст того и другого отрывка представляет собой беседу о руководстве работниками-рабами. В первом отрывке Исомах рекомендует применение таких же методов обучения к рабам, как и к животным — в сущности, приманки и дубинки. Но он также допускает у рабов, как и у остального человечества (*ἄνθρωποι*, § 9), способность рассуждать (как допускает и Аристотель, в предельно ограниченной степени: Pol. I, 13,3, 1259b) и реагировать на похвалы и награды. Ср. Хен., Нiero, VII, 3: «Те, кому свойственно горячее стремление к награде и похвале, далее всего отстоят от скотов и считаются мужами, *ἄνδρες*, а не просто людьми, *ἄνθρωποι*».

¹² Можно говорить о «методах производства», хотя в обсуждаемом отрывке ничего не сказано о характере занятий этих «людей», так как невероятно, чтобы таким типом образцового эконома мог послужить руководитель рабов из прислуги.

в таких обстоятельствах должно было превратиться в род деятельности, требовавший серьезной подготовки. Несмотря на это, оно, очевидно, еще не достигло того престижа, которым пользовалась деятельность политического руководителя. В настойчивом утверждении Сократа о достоинстве «οἰκονομической» деятельности для гражданина был элемент парадокса: «Право же, Сократ, — восклицает его собеседник (§ 7), — я бы никогда не подумал, что ты скажешь, будто из хороших экономов могут получиться хорошие стратеги!». Более чем за поколение до этого Фукидид вложил в уста Перикла гордое утверждение о способности афинян того времени (т. е. начала Пелопоннесской войны) к «заботе и о своих собственных интересах, и вместе с тем о государственных» — ἐνὶ τῇ τοῖς αὐτοῖς οἰκίῳν ἄρᾳ καὶ πολιτικῶν ἐπιμέλειᾳ (II, 40, 2). В этом восхваляемом достоинстве — непринужденной виртуозности в искусстве жить — как будто отражается мир, менее сложный, чем тот, над которым размышляет Сократ Ксенофонта. «Свои собственные» дела не разрослись еще настолько, чтобы (при достатке средств и желании умножить их) поглотить большую часть внимания и энергии того, кто занимается ими; так что, если гражданин держал управление ими в своих руках, он был вынужден пренебрегать интересами полиса, или он должен был (как рекомендует Аристотель) поручить обязанности руководства ойкосом заместителю, если сам намерен был играть заметную роль в полисных делах. Подход Ксенофонта к этим изменившимся условиям отличается своей профессиональностью и, по-видимому, предвещая собой вызов известным предрассудкам, распространенным тогда среди тех, кого афиняне называли — с уважением или презрением, в зависимости от круга интересов — καλοὶ καγαθοί, порядочными людьми.

В начале нашего отрывка из «Меморабилей» (§ 6) Сократ излагает свой тезис: «Я хочу сказать, что в какой бы области ни осуществлял человек руководство (πρᾶξις), если он знает, что требуется для этого, и может добиваться требуемого, он будет хорошим руководителем, будь то хор, ойкос, полис или войско». Это было сказано в ответ на недоуменный вопрос его собеседника по поводу уравнивания Сократом организаторских талантов, требуемых от хорега и стратега, и присоединение теперь к ним эконома и вызвало в собеседнике ошеломляющее впечатление (§ 7, см. выше). Далее Сократ останавливается на том, что он считает наиболее важным для успеха любого предприятия, общественного или частного, — правильное обращение с людьми, которые его осуществляют. Это лишь обобщенный вариант тезиса, защищаемого в V главе «Экономики» Ксенофонта (§ 14 слл.): опыт в руководстве деятельностью работников-рабов в имении — хорошая подготовка для будущего полководца. Когда в «Меморабилиях» Сократ говорит: «не презирай» экономов, — он, т. е. Ксенофонт, внушает явно новое и неожиданное мнение, что руководство частным предприятием — занятие не только само по себе достойное уважения, но и школа для руководства полисом (ср. Мет. III, 6, 14), так как успешное¹³ управление рабочей силой в частном хозяйстве требует именно такого рода знаний и способностей, какие прежде всего нужны при осуществлении высшего (например военного) командования (Оес. XXI; ср. XX, 16—21). Ксенофонт затрагивает здесь вопрос, который с тех пор не переставал привлекать теоретиков, занимающихся проблемами «руководства» чужим тру-

¹³ В «Экономике» цель подобного занятия — и, следовательно, признак его успеха — определяется как «приумножение имущества» (αὐξάνειν τὸν οἶκον) — Оес., I, 4; ср. I, 15—16; II, 1, 10, 16—18; III, 10, 15; V, 1; VI, 4; VII, 15—16; IX, 12; XI, 10—13; XX, 16—24; XXI, 9. Относительно «научного», профессионального положения, постулируемого для эконома, см., например, Оес., I, 1; ср. III, 9, где автор говорит непосредственно о коневодстве, но из контекста ясно, что он имеет в виду и ведение хозяйства вообще.

дом, и который он сам разбирает более подробно в других местах: к *οἰκονομία* следует относиться с почтением, как к настоящей ветви искусства правления, имеющей прямое отношение к тому, что Ксенофонт рассматривал как основную проблему власти любого масштаба — как установить гармоничные деловые отношения между простатом и его подвластными.

Из тщательно аргументированного представления эконома в качестве руководителя людей — и именно «вообще людей», как показывает сопоставление их с подчиненными стратега и политика, — можно сделать вывод, идущий дальше личных интересов и жизненного опыта самого Ксенофонта, хотя этот последний момент, должно быть, повлиял и на определение предмета (для Ксенофонта *οἰκονομία* — прежде всего управление земельным владением), и на конкретность его трактовки темы об единстве проблемы «οἰκονομического» и военного руководства людьми, что особенно видно в «Экономике». Но в конечном счете предмет определялся, разумеется, не личными склонностями и опытом автора, а уровнем развития производства в любимой Ксенофонтом сфере земледелия. Я предполагаю, что именно это развитие — заметное увеличение числа рабов, используемых в отдельных хозяйствах, — сделало возможным и даже необходимым тот вызов социальным и политическим предрассудкам, который представлен в рассматриваемом отрывке из «Меморабилей». Это реальное изменение, которое поднимало простой вопрос о «деспотическом» правлении (т. е. о власти господина над рабом) и об управлении «частными делами» до уровня больших социальных проблем, затронуло, можно полагать, сравнительно небольшое число хозяйств и сопровождалось сокращением экономических возможностей большего числа гражданских οἰκосов. Это, в свою очередь, могло привести к политическому недовольству и брожению, а внутри больших хозяйств — к ситуации, чреватой опасностью лично для хозяина и его семьи. Во всяком случае, за убежденным оптимизмом относительно перспектив достижения «οἰκοςной» гармонии, который проявляется в произведениях Ксенофонта, видна тень потенциально опасной дисгармонии в οἰкосах и полисном мире в целом.

Признание такой опасности выражено, например, в начальных параграфах «Воспитания Кира» (см. прим. 14) и в заключении «Экономики» с его леденящим душу предостережением относительно того, что боги «дают тираническую власть над людьми вопреки их воле... тем, кто, по их мнению, заслуживает такой жизни, какую, как говорят, ведет в подземном царстве Тантал, находясь в вечном страхе, как бы ему не умереть во второй раз» (XXI, 12). Это сказано Исхомахом по поводу господ, которые не осваивают правильных методов руководства рабами, обрабатывающими их землю. Платон подходит к той же проблеме с обратной стороны. Чтобы убедить, как страшно и тяжело положение тирана, Платон сравнивает его с воображаемым богачом, владельцем «пятидесяти или больше» рабов, который заброшен куда-то далеко от могущих защищать его в случае надобности сограждан, окружен этими смертельными врагами, его «подданными», вынужден угождать и подкупать более податливых среди них, боясь выйти за пределы четырех стен своего дома (Resp. 578d — 579a).

К значению этого известного места в «Государстве» Платона относятся иногда, как мне кажется, слишком небрежно, лишь привлекая его для подкрепления доказательства того, что рабов в Аттике было немного (вообще и во владении отдельных лиц) и с этими немногими, как правило, обращались мягко. Меня, наоборот, оно укрепляет в том выводе, который я сделала, основываясь на Хеп., Мем. III, 4, 6—12: использование рабов в больших масштабах в отдельных частных хозяйствах не было редкостью в Аттике IV в., и проблема управления этим рабочим персоналом стала проблемой достижения не только экономической эффек-

тивности хозяйства, но и личной безопасности хозяина. Это явление замечал и рассматривал не один Ксенофонт, но его подход в целом отличается настойчивостью и практичностью. «Воспитание Кира», несмотря на его общий характер утопического романа, можно назвать в некотором смысле популярным трактатом о том, как избежать ужасной участи Тантала¹⁴, расширенным вариантом идиллического эскиза персидского монарха в IV главе «Экономики». Этот эскиз, если рассматривать его в контексте трактата об управлении частным имуществом, представляет собой изображение хорошего эконома в государственном масштабе, удачное сочетание τὸ δεσποτικόν и τὸ βασιλικόν в одном человеке (см. Оес. XIII, 5). Все довольны, и хозяйство в полном порядке. В конце «Экономики» Ксенофонт замечает, что в частном предпринятии, ἐν τοῖς ἰδίοις ἔργοις (XXI, 9), δεσπότης, который умеет внушать своим рабам трудиться на него хорошо и даже усердно, обладает «чем-то царственным». Это не такое искусство, которому можно научиться, прослушав одну лишь лекцию по этому вопросу; оно требует специального обучения и ...божественной природы (XXI, 10—12).

По части οἰκονομία о Кире Платон не был такого высокого мнения, как Ксенофонт (см. Plato, Leg. 694c слл.), но и он приравнивает искусство царской, полисной и ойкосной власти, давая понять, что между ними в принципе нет никакой разницы (Polit. 258e—259c). В начале отрывка ойкосная власть представлена двумя терминами, δεσπότης и οἰκονόμος, выражающими две стороны одного и того же явления. Первое слово связано, прежде всего, с понятием отношения «господин — раб», а второе — с понятием управления семьей и (или) всем имуществом в целом, включая рабов. Платон перечисляет все четыре типа правления в следующем порядке: πολιτικός, βασιλεύς, δεσπότης, οἰκονόμος, хаотически связывая второй и третий из них, царя и «деспота», с одной стороны, «политика» (т. е. управляющего делами полиса) и эконома, с другой. Возможно, что Платон хотел таким способом указать на некоторую качественную разницу между этими двумя парами. Однако для Платона здесь главное не это, а то, что все эти виды власти одинаково требуют умения править, и дальше, уточняя эту мысль, он забывает о подтипе «деспот»: «Ясно, что обо всем этом наука одна (ἐπιστήμη μία), называют ли ее царской, политической или ойкономической...» (295c).

Считают, что Аристотель, критикуя эту точку зрения в начале своей «Политики», имел в виду прежде всего Платона: «Ошибочно думать, что государственный деятель полиса (πολιτικόν) — это то же самое, что монарх (βασιλικόν), управляющий имуществом (οἰκονομικόν) или господин рабов (δεσποτικόν)»¹⁵. И, действительно, перечисление тех же видов власти, что у Платона, а также ссылка, немного дальше, на довод о сходстве большого семейного хозяйства с маленьким полисом (ср. Plato, Polit. 259b) говорят о том, что Аристотель думал об этом месте в платоновском диалоге «Государственный деятель». Но когда он возражает против обратной, менее утонченной формы этого довода — утверждения, что различные виды власти отличаются между собой лишь в отношении количества подчинен-

¹⁴ См. Хен., Сугор. I, 1—2: «Мы думали также о многих известных нам примерах господ в частных домах (хозяйствах? — ἐν ἰδίοις οἴκοις), владевших сравнительно многими рабами или очень немногими, но ничуть не умевших внушать повиновение даже этим немногим... Нет никого, против кого люди (ἄνθρωποι) с большей охотой объединятся, чем против того, в ком они замечают намерение властвовать (ἄρχειν) над ними».

¹⁵ Pol. I, 1, 2, 1252a. См. Barker, Politics of Aristotle, стр. 1, прим. 2; ср. W. L. Newman, The Politics of Aristotle, т. II, Oxf., 1887, стр. 98. Ньюман, хотя он, очевидно, считает, что критика Аристотеля направлена против Платона, ссылается также и на Ксенофонта — Мет., III, 4, 12; 6, 14.

ных (πλήθει καὶ ὀλιγότῃ νομίζουσι διαφέρειν), — он думает скорее о замечании, сделанном Ксенофонтом (Mem. III, 4, 12; ср. Plato, Resp. 578d, где, однако, не царь, а тиран приравнен к владельцам многих рабов).

Для Аристотеля существенно то, мимо чего Ксенофонт, рассматривая вопрос о власти под совершенно другим углом зрения, проходит, т.е. рабская «природа» подвластных эконома в его качестве δεσπότης. Ксенофонт говорит: все дело в умении обращаться с людьми, а Аристотель: важно то, каковы эти люди — свободные или рабы, лично зависимые от правителя (члены семьи) или равные с ним (сограждане)? Платон же в рассмотренном месте¹⁶ просто не думал о «людях», его интересовал вопрос о том, в какую область знаний — практических или теоретических — нужно включить умение осуществлять власть? Вся специфика подхода Ксенофонта в том, что он поднимает проблему власти в практических целях обеспечить успех в любом предприятии (будь то доходное ведение хозяйства, достижение политического согласия или победы на войне), где успех зависит от умелого руководства деятельностью значительной группы людей.

Другой пример аристотелевской критики высказываний Ксенофонта по этой теме касается приведенного выше отрывка из «Экономики», где Исхомах говорит о царских качествах, проявленных «деспотом», который умеет внушать работникам-рабам желание заслужить его похвалу, и настаивает на том, что даже при наличии у него управляющего (ἐπίτροπος) рабовладелец должен сам обладать, кроме божественного таланта, также и специальными знаниями (Оес. XXI, 9—11). Создается впечатление, что это безмерное восхваление искусства «деспотической» власти вызвало у Аристотеля острое раздражение: «Наука быть господином (ἡ δεσποτική, ἐπιστήμη) есть наука об использовании рабов, потому что быть господином означает не владеть рабами, а пользоваться ими. В науке этой нет ничего ни значительного, ни заслуживающего почитания (οὐδὲν μέγα ἔχονσα οὐδὲ σεμνόν): господин должен уметь приказывать то, что раб должен уметь выполнять. Поэтому те, у кого есть возможность не мучиться этим самому, поручают эту обязанность управляющему (ἐπίτροπος), а сами занимаются политикой или философией»¹⁷.

Перед нами два различных отношения двух человек различных школ и взглядов к одному и тому же явлению, значение которого для истории рабства становится только яснее благодаря такому столкновению взглядов. Правда, между этими двумя замечаниями лежит и значительный промежуток времени (около поколения), но, кажется, в данном случае это не меняет дела, так как для самого явления это одна эпоха. Итак, не следует оставлять без внимания свидетельства, подобные Хеп., Mem. III, 4, 6—12, только потому что в них нет прямого упоминания о рабах или рабстве.

Античные авторы употребляли терминологические ярлыки для обозначения рабского статуса или опускали их в соответствии с тем, на чем они

¹⁶ «Уравнивание» Платоном частной и государственной власти как искусства, требующего одного и того же рода знаний, отражено также в других местах, но ни в одном из них, насколько мне известно, не видно интереса к практической стороне вопроса, которая так увлекала Ксенофонта. См., например, Leg. 747b, 819c, 902d (в двух первых местах речь идет о пользе от арифметики); ср. Lysis, 209; Alcib. I, 133e. В конце III книги «Государства» Платон резко противопоставляет интересы экономов интересам идеальной общины в целом, тем самым подтверждая вывод о заметном положении первых в реальном полисе его времени: «Если когда-нибудь стражи приобретут собственную землю, дома и деньги, то тогда они станут экономами и γεωργοί вместо стражей, δεσπότης и врагами вместо союзников остальных граждан, ненавидящими их и ненавидимыми им до конца своей жизни..., гораздо более боясь внутренних врагов, чем внешних» (Resp. 417ab).

¹⁷ Pol. I, 7, 4—5, 1255b; ср. III, 4, 11, 1277a; VII, 3, 2, 1325a. См. Newman, The Politics of Aristotle, II, стр. 162, 164.

хотели поставить ударение в своем повествовании или аргументации. В рассмотренном только что отрывке из «Меморабилей» Ксенофонта имеется редкий пример полного абстрагирования от идеи противоположности свободного и рабского статусов там, где противоположность в действительности существовала, для того чтобы заострить внимание на проблеме организации энергии людей в массе. Несколько сходная цель преследуется Ксенофонтом в изложении уже упоминавшейся беседы Сократа с Аристархом (Мем., II, 7, 6). Родственники Аристарха поставлены наряду с рабами, с выгодой эксплуатируемые разными ремесленными предпринимателями, и рассматриваются с точки зрения применения их способностей в совместном труде, как бы в одной мастерской (их было с десяток, см. Хеп., Мем. II, 7, 2; ср. § 12). Это было необычным подходом, как можно судить по реакции приведенного в недоумение Аристарха, и употребление терминов, указывающих на рабский статус (*δοῦλος*, *οἰκέτης*, а также в этом контексте *βάρβαρος*), в данном случае усиливает эффект парадокса. Но, вероятно, в большинстве случаев рабские термины, за исключением *δοῦλος*, который почти всегда является подчеркивающим, употребляются без намерения подчеркнуть статус, как случайная фиксация обычной детали. Пример тому представляют собой *ἐκδοῦδοι* Менона в приведенном выше отрывке из «Менона» Платона. Наконец, обозначения могут меняться в соответствии с тем, что говорится о рабах. Работники в мастерских отца Демосфена обозначены тем или иным рабским термином или же они просто названы «людьми», «ремесленниками», «ножевщиками» и т. п., в зависимости от того, упоминает ли о них оратор как о составных частях имущества или обсуждает издержки на их содержание, или говорит с точки зрения процесса производства¹⁸.

В этом случае (Dem., XXVII—XXIX) рабские термины до такой степени переплетаются с другими обозначениями, что современный читатель ни на минуту не сомневается в рабском статусе этих людей. Другое дело — в случае с людьми, работавшими в имении Исхомаха, отношения которых с ним в процессе «приумножения его ойкоса» составляют основную тему большей части «Экономики» Ксенофонта. Вопросы дисциплины труда рассматриваются здесь отдельно от методов ведения земледельческих работ (*ἡ τέχνη τῆς γεωργίας* — XV, 3), и в главах, посвященных этим вопросам (XII—XIV), применение кое-где рабских терминов и характер контекста достаточно ясно говорят о рабском положении объектов дисциплинарных рекомендаций Исхомаха. Но при описании самой работы — посадок, посева, жатвы, молотбы, веянья, там, где говорится о работниках, не дано никаких указаний на их статус (см. XVII, 7, 12—15; XVIII; ср. XI, 16; XX, 3—4). Возможность того, что при этих работах использовался наемный труд, нельзя оставлять без внимания.

Не всегда легко доказывать или опровергать то, о чем не упоминается, и в этом случае мы находимся не намного в более выгодном положении, чем обычно. В трактате нигде не упоминаются наемные работники и ничего не говорится о необходимости приглашения со стороны дополнительных сезонных работников. Но это не обязательно означает, что к подобной помощи не прибегали: Ксенофонта интересовала только постоянная рабочая сила. Работники в имении Исхомаха, как уже сказано, в ряде мест названы рабами¹⁹. На то, что они представляли собой постоянный рабочий персонал имения, указывает специальное помещение для них в доме хозяина,

¹⁸ Казакевич (Грейс), Рабы как форма богатства..., стр. 95—99

¹⁹ См. VII, 35; IX, 5; XII, 19; XIII, 9; XIV, 4, 6 — термины *δοῦλος* и *οἰκέτης*. Употреблены также слова, не определяющие их статуса, но указывающие в данном контексте на то, что они работники, а именно, *ἐργάται*, *ἐργαστήρες*, *οἱ ἐργαζόμενοι* (см. XIII, 3, 10; XX, 16; ср. V, 15—16; XXI, 10).

причем это помещение было устроено так, чтобы предотвратить появление детей у этих рабов (*οἰκέται*) без разрешения хозяина (IX, 5).

Более того, ни о каком виде регулярной оплаты, выдаваемой людям за выполнение работы, натурой или деньгами, также не говорится ничего. В части трактата, посвященной поощрению и наказанию (XIII, 6 слл.), которые управляющий (*ἐπίτροπος*, сам — раб) должен распределять среди работников, для того чтобы повысить тонус работы, не только нет никакого упоминания о форме оплаты *μισθός*, обычно ассоциируемой с наемным трудом как в сельском хозяйстве, так и в других отраслях (см. например, Dem., XVIII, 51; LIII, 24), но и там, где Исхомах точно определяет характер материальных поощрений, мы видим, что они представляют собой то, что необходимо для содержания постоянного рабочего персонала: «И, таким образом, тех, кого я намерен назначить управляющими, я обучаю этим правилам, применение которых делает, по-моему, людей более послушными, и содействую этому следующим образом: я забочусь о том, чтобы плащи и обувь, которыми я должен обеспечивать работников, были не все одного качества, но одни — хуже, другие — лучше, с тем чтобы лучший работник мог быть вознагражден лучше, а худший получал менее хорошее. Я совершенно уверен в том, Сократ, что хорошие люди падают духом, когда они видят, как за выполняемую ими работу (*δι' αὐτῶν καταπραττόμενα*) их вознаграждают наравне с теми, кто избегает тяжелой работы...» (XIII, 10—11). Кажется ясно, что наемный труд совсем не учитывался этим незатейливым и экономичным рычажком для повышения эффективности труда, а учитывались только собственные рабы Исхомаха, которых нужно одевать и обувать всегда.

Ввиду того, что это — все, что говорится о формах награждения работников, руководство которыми поручено эпитропам, и ясно, что последние должны управлять всей полевой работой во владениях Исхомаха, можно с большой долей уверенности заключить, что люди, труд которых описан в главах о технике земледелия, — это те же самые рабы, о которых речь шла в главах об обучении эпитропов. Да и неуверенность в этом, как бы она ни была незначительной, вообще возникла бы, я думаю, только в мыслях читателя, живущего в социальных условиях совершенно иного рода. «Раскрытие» рабского статуса в подобных отрывках имеет для нас в общем более узкое значение с точки зрения истории развития рабства, чем выявление неназванных рабов в отрывке из «Меморабиллий», рассмотренном выше: с другой стороны, отождествление земледельцев, упомянутых (или подразумеваемых) в главах XVII и XVIII «Экономики», с рабами, о которых речь шла раньше, придает конкретность нашему общему представлению об использовании рабов в сельском хозяйстве.

Другой отрывок в том же трактате (Оес. III, 10), на который, во всяком случае, насколько мне известно, историки рабства редко обращали такое внимание, какого он заслуживает, проливает, если поближе рассмотреть его, неожиданно яркий свет на вопрос о распространении применения рабов в сельском хозяйстве того времени. Неожидаанность — в том, что это краткая реплика, брошенная Сократом в насмешку над простодушием своего собеседника Критобула в ходе разговора, который не касается рабства вовсе. В замечании Сократа нет рабского термина, а есть только указание на род занятий — *γεωργός*. Но на этот раз рабский статус сразу ясен: упомянутые гипотетичные *γεωργοί* — предметы купли-продажи. Замечание Сократа и коротко и сделано в явно несерьезном духе. Однако его косвенное значение идет так далеко, что, казалось бы, оно должно было покончить навсегда с мнением о незначительном месте, занимаемом рабским трудом в земледелии Аттики²⁰.

²⁰ См., например, Westermann, *Slave Systems*, стр. 9.

Беседа с Критобулом касается методов достижения эффективности в управлении имуществом. Сократ замечает (§ 5), что при одинаковых условиях один, занимающийся сельским хозяйством, будет преуспевать, а другой останется без копейки и будет жаловаться на то, что земледелие — разорительное занятие: «Как это объяснить?», — спрашивает Критобул. «Наблюдай более внимательно и ты, наверное, поймешь», — отвечает Сократ. Критобул, говорит он (§ 7—8), очень целеустремлен и энергичен, когда дело касается посещения театра, но когда дело доходит до того, чтобы выяснить, каким образом одни извлекают пользу из содержания лошадей (дело, близко его касающееся), а другие от этого доходят до нищеты, здесь он совершенно пассивен.

«Ты смотришь на этих людей точно так же, как ты смотришь на представления трагедий и комедий, что ты делаешь, я думаю, не с целью стать поэтом, но для того чтобы улаживать свое зрение и слух. И, возможно, твое отношение к театру правильно — ведь ты не думаешь стать поэтом; но так как тебе приходится пользоваться лошадьми, не думаешь ли ты, что глупо с твоей стороны не проявлять более профессионального отношения к этому делу (εἰ μὴ σκοπεῖς, ὥπως μὴ ἰδιώτης ἔσῃ τοῦτο τοῦ ἔργου), тем более, что те же лошади, которые пригодны для пользования, выгодны также и для продажи?».

«Сократ! Ты хочешь сказать мне, чтобы я увлекся объездкой лошадей?».

«Конечно нет, не более, чем покупать земледельцев детьми и увлечься обучением их (γεωργούς ἐκ παιδίων ὠνομάζων κατασκευάζειν²¹), но у лошадей и у людей есть, я думаю, определенный возраст, в котором польза начинается сразу, и они хорошо поддаются дальнейшему обучению» (§ 9—10).

Помимо ясного указания на обыкновенное рыночное происхождение сельского рабочего персонала, в этом месте как будто содержится намек на существование специалистов по обучению рабов-земледельцев. Известно, что были в то время профессиональные объездчики лошадей. Сам Ксенофонт написал трактат об искусстве верховой езды, и в нем он советует отдавать жеребцов для обучения профессионалам за плату (μισθός — Eq. II, 2; ср. Plato, Apol. 20ab). В том и другом случае автор обращается к молодым гражданам, имеющим значительное богатство и положение в обществе (Оес. II, 3 слл.; Eq. II, 1), которым не пристало отвлекаться от исполнения своих более высоких обязанностей (войны, политики и т. п.), занимаясь таким узкопрофессиональным искусством, как объездка лошадей, — хотя растрачивать состояние на ἵπποτροφία вполне им пристало²². Их профессионализм в земледелии, как и в содержании лошадей, должен, что касается технической стороны, быть ограничен знанием своего дела и умением достичь его правильного осуществления.

В Оес., III, 5—10 Сократ приводит Критобула своим обычным лабиринтом аналогий и парадоксов к пониманию того, что в земледелии, как и в других сферах деятельности, нельзя достичь хороших результатов без неустанной заботливости со стороны сведущего в своем деле хозяина о способах организации труда и руководства им. Советуя подходить более профессионально к занятию коневодством, он имеет в виду, что Критобул дол-

²¹ О таком значении κατασκευάζω см. Xen., Symp., VIII, 1, 43 (ὁδὸς μὲν δὲ ἀρχεῖν φέρεται χρῆναι ... οὕτως κατασκευάσσει..., οὐδὲ δ' αὖ κατασκευάσειν εἰς τὸ δουλεύειν...). Синтаксически слово γεωργούς служит дополнением к обоим глаголам сразу, κατασκευάσειν и ὠνομάζων и логически оно употреблено здесь пролеттически: «покупать маленьких детей и готовить из них земледельцев». Однако синтаксическая связь между γεωργούς и ὠνομάζων, остающаяся в силе, придает этому предложению второй, так сказать, подтекст, который представлен в моем переводе, и дает верное основание для вытекающего из него важного для нас вывода.

²² Isocr., VII, 45; Isae., V, 43; Hyperid., Lycophr. 16; ср. Arist., Pol. IV, 3, 2, 1289b; Luc., Leocr. 139. В отношении самого Критобула — Оес. II, 6.

жен обладать именно такого рода знанием руководителя. Но Критобул, остановив свое внимание на фразе *ὅπως μὴ ἰδιώτης ἔσῃ* (§ 9), принимает ее за совет стать профессионалом в «узкоремесленном» смысле. Вопрос в том, имеем ли мы право заключить из шутливой реплики Сократа, что на самом деле существовала также профессия обучать рабов-земледельцев?

То, что Сократ проводит именно эту параллель, вероятно, не случайно, так как она ведет Критобула еще на шаг ближе к новой, одной из главных тем трактата, т. е. к теме о преимуществе земледелия над всеми другими видами занятий для состоятельного гражданина. Формально говоря, параллель не совсем точная, так как земледельцы покупаются, между тем как лошади Критобула, надо полагать, в большинстве своем — «доморожденные». В другом отношении параллель не закончена. Сократ подал мысль, что правильное управление коневодством может дать и коммерческую прибыль: хорошие лошади хороши и для продажи, так же как и для верховой езды. Но нет — боже упаси! — он не имел в виду, что Критобул должен развивать коммерческую сторону в такой степени, чтобы самому стать обездчиком лошадей для продажи, пренебрегая *καλοκῆραθία*, — не более чем он стал бы советовать землевладельцу (ради лишней прибыли) заняться и обучением рабов. Верно, Сократ ничего не говорит о продаже обученных земледельцев. Но может быть, это недосказано только потому, что нелепость его собеседника достаточно выявлена и без того? И теперь Сократ хочет перейти к вопросу об обучении жен, которых также берут молодыми и необученными, а в этой области материальная выгода заключается в другом — в участии жены в деле приумножения ойкоса (§ 11—16). В общем, из замечания Сократа мы не можем извлечь ясного ответа — ни положительного, ни отрицательного — на вопрос, отдавали ли сельских рабов профессионалам на обучение.

Рабов иногда отправляли на обучение даже для исполнения обычных домашних обязанностей, *τὰ ἐγχώρια διακονήματα*²³ или какой-нибудь определенной специальности. Это мы знаем из ряда источников, говорит об этом мимоходом и Ксенофонт в том отрывке трактата о верховой езде, который был приведен выше. Объяснив, почему он советует молодым всадникам отдавать своих жеребцов для того, чтобы они были обезджены профессионалами, он далее предостерегает: «Нужно, однако, отдавать жеребца только после того, как заключено письменное условие о том, чему должно быть обучено животное, так же как поступают, когда отдают раба для обучения специальности» — *ὥσπερ τὸν παῖδα ὅταν ἐπὶ τέχνην ἐκδῶ* (Eq. II, 2). Э. Марчант в левовском издании (1925, стр. 307) дает другой перевод последней фразы: «так же как когда он отдает своего сына на обучение какой-нибудь профессии» — перевод, который невозможно принять, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, хотя в аттической прозе *παῖς*, конечно, очень часто относится к свободным детям того и другого пола, но когда хотели сказать «сын», то говорили не *παῖς*, а *υἱός* (см. например, Isae., II, 10—11; Dem., LIX, 122). Во-вторых, человек такого положения, которого Ксенофонт имел здесь в виду (см. § 1), вообще, вероятно, не стал бы отдавать своего сына *ἐπὶ τέχνην*. Под словом *τὸν παῖδα*, по моему мнению, Ксенофонт мог в этом отрывке иметь в виду только раба — «своего раба».

Отдавали рабов в обучение различным специальностям явно для того, чтобы потом получать доходы от их квалифицированного труда (оставим в стороне нужды богачей в более изысканном личном обслуживании). Вопрос теперь в том, было ли земледелие такой специальностью, доходы от которой повысились бы от профессионального обучения рабов-земледельцев? Или имело бы какой-то практический смысл учредить свою собственную школу

²³ Arist., Pol. I, 7, 2, 1255b.; cp. Pherecr., frg. 40, 41 K.; Athen. 262b.

обучения в имении? Что касается рядовых сельских работников, непосредственно обрабатывавших землю, то, мне кажется, от подобной мысли можно сразу же отказаться. То малое, что мы знаем о ценах на таких рабов, говорит о низкой степени специализированности их труда по сравнению с трудом рабов-ремесленников. Даже в относительно крупных хозяйствах, подобных тому, о котором речь идет в «Экономике» Ксенофонта, дело, по-видимому, заключалось прежде всего в применении многих рабочих рук и очень простого орудия. Другой вопрос — «наука» земледелия в смысле методики, знания того, «что должно быть сделано, как и в какое время года каждое дело» (Оес., XV, 6), и как наиболее эффективно организовать труд непосредственных работников. Таких знаний не требуется от простых землевладельцев, им должны быть обучены управляющий и, в меньшей степени, надсмотрщик (*ἐπιστάτης*).

Эпитроп в особенности должен усвоить земледельческие методы, так же как обладать качествами, которые необходимы для того, чтобы быть хорошим заместителем хозяина в деле руководства: верностью, чувством ответственности, умением править, честностью («не воровать» — XIV, 2), трезвостью (не пьянствовать — XII, 11) и т. п. Об этих качествах Исхомах рассуждает на протяжении XII—XIV глав (ср. XV, 5). Исхомах относится небрежно к трудности усвоения методики земледелия, которая в отличие от других *τέχναι* не содержит в себе никаких «профессиональных секретов» (XV, 11; ср. § 4, 10; XVIII, 10), и приступает в следующих главах (XVI—XX) к объяснению «что», «как» и «когда», как будто бы он только напоминает Сократу о том, что тот уже знает. Но, вероятно, не следует принимать слишком всерьез это применение теории воспоминания. Ясно, что эпитропы, которым поручено руководство всем хозяйством в целом, должны были в какой-то мере обладать специальными знаниями в области земледельческой *τέχνης*.

В начале обсуждения важной для всего дела роли эпитропа Сократ спрашивает Исхомаха, покупает ли он своих управляющих уже обученными, и Исхомах отвечает, что он их обучает сам (XII, 3—4), отбирая, по-видимому, из числа своих наиболее подающих надежды рабов, как это было в случае с экономкой (*ταμίς* — IX, 11; ср. VII, 41; XII, 9 слл.). Из этого с уверенностью можно вывести лишь одно: Исхомах (т. е. Ксенофонт) полагал, что наилучших результатов можно достичь, если самому обучать рабов для поручения им такого ответственного поста. Возможно — в пользу этого говорит и сам вопрос, заданный Сократом, — что эпитропов иногда, или даже часто, покупали уже знающими свое дело. Нам известно, что в другой, правда, более тяжелой и потенциально гораздо более прибыльной отрасли производства — добыче серебряной руды — за надсмотрщика могли платить большую сумму (Хеп., Мем. II, 5, 2).

Однако когда Сократ в своем ответе Критобулу говорит о подготовке *ὑεωργοί* из купленных детей, он, очевидно, имеет в виду не эпитропов, а сельских работников вообще, которые, по всей видимости, из всех рабов, а сельских работников вообще, которые, по всей видимости, из всех рабов, используемых в разных отраслях производства, наименьшим образом нуждались в профессиональном обучении, тем более с детского возраста. Сократ отвечает на нелепость вопроса, заданного Критобулом, еще большем абсурдом. Тем не менее его вдвойне ироническая реплика приводит нас (если только мы не стали такими же жертвами сократовской иронии, как и Критобул) к решению одного вполне серьезного вопроса, причем с особой убедительностью, потому что в словах Сократа содержится мысль, которую как нечто само собой разумеющееся не было необходимости подчеркивать: слова *ὑεωργοὺς ... ἀνοόμενον* показывают, что сельские работники были обычно товаром, что рабы составляли типичную рабочую силу в земледелии Аттики вообще, а не только на земле Исхомаха.

Таково и также само собой разумеющееся предположение Платона в отрывке из «Законов», где он намечает обязанности «агрономов» и начальников деревенской стражи в идеальном полисе, которые должны постоянно объезжать сельскую территорию, *χώρα* (Leg. 760e—761a): «В каждом месте, во время их пребывания в нем, они должны заботиться... об оборонительных сооружениях..., пользуясь для этой цели рабочим скотом и рабами, имеющимися в каждом месте (*ὁποῦντις καὶ τοῖς οἰκέταις τοῖς ἐν τῷ τόπῳ ἐκαστῷ*), применяя их труд под своим надзором, выбирая по возможности такое время, когда они не заняты своей обычной работой (*ὅτ' ἐκείνων* ²⁴ *ποιοῦντας, ἐκείνοις ἐπιστατοῦντας, τῶν οἰκείων ἔργων αὐτῶν ἀργίας ὅτι μάλιστα ἐκλεγομένους*)». Упомянутые здесь *οἰκέται*, очевидно, будут принадлежать, по предположению автора (ср. Leg. 763a), местным *γεωργοί* (см. выше, прим. 9) и *χωμῆται*, поселянам, — т. е. можно полагать, землевладельцам меньшего масштаба, чем *γεωργοί*, — причем ссылка в конце отрывка на внесезонное время для рабочего скота и рабов довольно ясно говорит о сельскохозяйственном назначении этого инвентаря.

Анализ мест в источниках, где употреблены рабские термины, обнаруживает дополнительные свидетельства о том, что рабы были характерной чертой аттической *χώρα* ²⁵. Но едва ли какое-нибудь из них говорит об этом более метко, чем ироническое замечание Сократа в Xen., Oec. III, 10, где рабских терминов нет.

ATHENIAN VIEWS ON WHAT IS A SLAVE AND HOW TO MANAGE «PEOPLE»

by E. Grace

The best working definition of the category «slave» in the classical period is the one stated or implied by the ancient authors: a slave is a human being who is also a freely disposable article of property. Although this definition is inadequate historically, it isolates the essential attribute of the slave in classical Athens and, for example in legal disputes over status, is brought forward as the ultimate proof that a person was or was not a slave. For the historian combing the texts for evidence on slaves and slavery it may therefore serve as a touchstone for testing the validity as slave-terms of the half-dozen or so words commonly used to denote slaves, and also as a guide for detecting material on slavery in passages where no slave-term appears. The second part of the article is devoted to an examination of several such passages in the works of Xenophon, all of which directly or indirectly concern the problem of organising and directing the labour of slaves, mainly in agricultural production. Xenophon's interest in the problem, his emphasis on the practical value of a professional approach to the business of estate management (*oikonomia*) and on the dignity of the social role of the *oikonomos*, apparently cut across contemporary social attitudes. This is suggested by his presentation of the theme as paradoxical. Particularly interesting is his treatment of the subordinates of the *oikonomos* as «people» (*ἄνθρωποι*) of the same stuff as those led by the statesman or the military commander (Mem. III, 4, 12). Xenophon's views, and the urgency with which they are presented, suggest that in the early part of the fourth century there was a marked increase in the economic significance of relatively large properties and in the numbers of slaves exploited by individual owners, and, finally, that the farm worker at that time was typically a slave (Oec. III, 10).

²⁴ Это выражение, указывающее на лиц, которые выполняют фактическую работу, встречается также в Xen., Mem. III, 4, 12 и Oec. XIII, 11; XXI, 11 (см. выше, стр. 55, 63 и прим. 11).

²⁵ Казакевич (Грейс), Рабы как форма богатства..., стр. 108—110.

Е. С. Богословский

СТАТУЯ № 2101 ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А. С. ПУШКИНА

В 1911 г. в Московский музей изящных искусств (ныне ГМИИ им. А. С. Пушкина) поступила скульптурная группа, получившая № 48; сейчас статуя хранится в отделе древнего Востока этого музея (инв. № 2101) ¹. Как место, так и год находки статуи неизвестны.

В 1917 г. эта группа была издана среди прочих статуй бывшего собрания В. С. Голенищева ². Б. А. Тураев и специалист по античному искусству В. К. Мальмберг описали памятник и пытались определить время его изготовления. Они заметили близость московской статуи к отдельным скульптурным группам второй половины XVIII династии, но, несмотря на это, «из непонятных соображений» (как писал впоследствии В. В. Павлов) Б. А. Тураев датировал памятник временем XIX династии. Действительно, о причинах столь странной датировки можно только догадываться; возможно, одной из причин послужила иконографическая близость московской группы статуе Британского музея № 41.603, которую Бэджджи ошибочно датировал временем XIX династии ³.

Б. А. Тураев сделал транскрипцию и перевод большей части нанесенных на памятник надписей; непрочитанными остались лишь отдельные не пострадавшие знаки, а также замазанные гипсом и поврежденные иероглифы. Правда, переведены не все транскрибированные надписи, а сама транскрипция страдает ошибками и неточностями. Краткую характеристику стиля московской статуи дал В. К. Мальмберг.

В 1949 г. В. В. Павлов переиздал этот памятник исключительно как произведение искусства, дав новое его описание ⁴ и датировав его — по стилистическим особенностям — предамарнским временем (конец XV в.

¹ Приношу искреннюю благодарность С. И. Ходжаш за предоставление фотографий памятника.

² [Б. А. Тураев], Описание египетского собрания. I. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания, со вступительными статьями В. К. Мальмберга и Б. А. Тураева, Пг., 1917, стр. VII, 34—37, табл. VII, рис. 1.

³ [E. A. Wallis Budge], A Guide to the Egyptian Collections in the British Museum, [L.], 1909, табл. XIII.

⁴ Описание это очень кратко и не совсем точно.